

Е

сли кто-то вам скажет, что в жизни все просто и все объяснимо — не верьте ему. Наверняка он подкуплен олигархами. Или Международным валютным фондом. Или кем-то еще. Потому что вообще никто и нигде на этом свете не может сказать, как нам жить дальше. Нормальному человеку существование представляется мистичным, непознаваемым, необъяснимым. Нормальный человек свою судьбу ощущает зависимой от каких-то сил, неподвластных нашей воле. Но эта же сокрытость тайных пружин происходящего порождает надежду на то, что за гранью видимого, материального мира есть не только злые, "бесовские" силы, но и добрые, светлые энергии. Добрые силы тем вернее помогут и спасут, чем сильнее будешь верить в них и чем сильнее проявишь стойкость с соблазнами зла.

Собственно, несложно было еще несколько лет назад предсказать, что и для обычного зрителя, и для самих людей театра все привлекательнее будут становиться мистические настроения, мистические авторы: Л.Андреев, А.Куприн, О.Уайльд, Т.Уильямс, Кафка, Мережковский. Десять лет назад в Перми был организован Сергеем Федотовым театр, стилистику и репертуар которого определило сочетание мистики и игры, а любимейшими авторами стали Н.Гоголь и М.Булгаков. По месту расположения театр назывался — "У моста". Название оказалось символическим: в спектаклях театра как бы нащупывается мостик, связь между вещественным, плотским миром и миром идей, чувств, переживаний, коллективного и индивидуального сознательного и подсознательного опыта.

С первых же спектаклей споры вокруг постановок С.Федотова не утихают. Кого-то раздражает странная, намеренно небытовая пластика актеров, "сочиненная", нереалистическая манера сценической речи. Кого-то задевает притчевость, сказочность, мифологичность декларируемого режиссером со сцены мировосприятия. "Он что, вправду верит в потустороннее?!" Резонный встречный вопрос: верили ли Булгаков и Уайльд, Гоголь и Кафка в то, о чем писали? Федотов твердо убежден в ритуальной и иррациональной природе нашего сознания и,

Мистика надежды

следовательно, искусства — искусства сцены тем паче. Во всяком случае, такой подход в качестве творческого метода оказывается богатейшим по возможностям — и все теснее контакт со зрителем, и все больше успех у публики. Этот метод позволяет говорить о самом существенном, что не измеряется расчетом, выгодой, материальным достатком.

Когда в "Панночке" по гоголевскому "Вию" вдруг распахиваются досчатые ворота, и маленький, освещенный пятячок перед ними вдруг раскрывается в невообразимое пространство тьмы и света, какая нам разница: режиссерский ли это ход или вправду прорыв за грань неизвестного?

Когда в гоголевской "Женитьбе" Кочкарев — этот истинный соблазнитель душ, соблазнитель не мыслью или идеей, а бестолковым делом, суетой ради суеты, — возникает отовсюду: и в дверях, и в окнах, и уже кажется, что в каждом углу кто-то шевелится, — то так ли уж важно, есть ли черт на самом деле? Главное. Сергей Федотов добивается того, что в нашем зрительском сознании происходит прорыв сквозь привычное, устоявшееся. Что мы начинаем строить мостик от групповых заблуждений, которыми успокаиваем свою совесть, — к проявлению собственного внутреннего пространства души. Мы вступаем в диалог с собою.

Конечно, бывает, что в странностях своей режиссерской манеры Федотов со своими актерами забредает куда-то очень уж далеко. Трудно, например, было принять фантастическую притчу-предупреждение "Зверь" по пьесе Гиндина и Синакевича о том, что произойдет, если разлад в душах выплеснется наружу радиацией мировой ядерной бойни.

Казалось, что театру изменило чувство меры — наивная мелодрама смешалась с мрачным трагизмом так непредсказуемо странно, что мало думалось о той надежде, которую декларировал спектакль, но гораздо больше "целяли" вкусовые сбои. Но тут важно то, что надежда все же возникала — се вопреки всему рождала тлеющая в глубине ирония. Спектакли Федотова — далеко неоднозначны по смыслу и несоднотонны до стилистике и манере. Мистицизм не затемняет и не убивает игру. Ирония — способ посмотреть прежде всего на себя как бы со стороны. И потому в нынешних, наиболее зрелых работах Федотова — "Ревизоре", например, или в "Гамлете", — он дает вдруг волю своему и актерскому баловству и зрительскому, подчас горько-трагическому, смеху.

Пусть остается без ответа вопрос о том, насколько сильна религиозная основа творческого мышления Федотова и его актеров. Это дело личное и вопросов об этом, вообще-то, задавать не положено. Потому что театр занимается проблемами совести — так уж от рождения ему назначено, даже если перед нами чисто развлекательное, комедийное действо. Важно, что, проводя актера и зрителя через мистические потрясения, через иронические развенчания, режиссер не пугает карами, не грозит непокорным, а недвусмысленно утверждает: надежда не оставит нас, если мы будем верить в лучшее и сумеем проявить душевную твердость и стойкость.

В октябре театр "У моста" празднует десятилетие. С 1992 года он стал муниципальным. Множество наград на разных международных фестивалях. Поездки по России и в иные страны. Постановки в Польше и в Чехии. И сейчас Федотов в чешском Театре имени Клуцера заканчивает работу над "Собачьим сердцем" М.Булгакова. В Перми билеты в театр "у моста" раскупают за два месяца вперед — хотя удерживать в нынешних условиях зрителя в зале становится все труднее и труднее. Но двенадцать штатных актеров и весь персонал театра "У моста" не разбегаются в поисках лучшей доли, вместе с худруком Сергеем Федотовым являя собою пример верности, веры и стойкости. Да простят мне эту патетическую фразу! Хотя, думаю, ироничный и не любящий позы Сергей Федотов за нее побьет меня при личной встрече.

Валерий БЕГУНОВ

Журнал и сцена -
1998 - сент. - окт. - (1-28)